

ИСКУССТВО
ВИДЕТЬ СВЕТ
РАЗОРВАННЫЕ НИТИ

Кейт Гливен

Кейт Гливен

Искусство видеть свет.

Разорванные нити

<https://litres.ru/74090028>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остаётся от королевства, которого нет на картах, когда Хранитель уезжает?

«Разорванные нити» — вторая книга цикла «Искусство видеть свет». Продолжение истории о мальчике Роне, который вёл бухгалтерскую книгу для чувств, и о девочке Элис, которая ждала его в окне старой мельницы.

Рон уехал в Дублин. Элис осталась в Волигтене. Между ними — расстояние, молчание и стена, которую не знаешь, как разрушить. Они не пишут друг другу. Не потому что не хотят, а потому что не знают, как.

Для детей это история о том, как трудно сохранить дружбу, когда тебя разделяют города. Для взрослых — притча о стыде, который мешает сделать первый шаг, и о том, что даже самая тонкая нить, если она не оборвана до конца, может снова связать тех, кто когда-то смотрел в одну сторону.

Книга, которая напоминает: свет можно сохранить. Даже когда кажется, что он погас.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Внезапное повышение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кейт Гливен

Искусство видеть свет.

Разорванные нити

Предисловие

Перед вами — продолжение книги Кейт Гливен «Искусство видеть свет».

Это история о взаимопонимании, которое не требует слов. О мальчике Роне, который учился замечать счастье, и о девочке Элис, которая ждала его в окне старой мельницы. Они никогда не видели друг друга, но знали, что смотрят в одну сторону.

Они строили королевство из писем, фантазии и веры в то, что свет можно сохранить. А потом Рон уехал. И королевство осталось без Хранителя. А они сами — в разных мирах.

Теперь они оба взрослеют — но каждый по-своему и в разных городах. Рон оказывается в сером, шумном Дублине, где нет ни дуба, ни реки, ни Финна. Элис остаётся в Волигтене, но ненадолго — её ждёт Корк, школа искусств и новая жизнь.

Они не пишут друг другу. Не потому что не хотят, а потому что не знают, как. И чем дольше длится молчание, тем

труднее его нарушить.

Что происходит с дружбой, когда исчезает общее пространство? Что остаётся от королевства, если карты утеряны, а почтовое отделение в дупле пусто? И можно ли сохранить свет внутри себя, когда мир вокруг кажется серым и чужим?

«Разорванные нити» — это книга о тишине, которая становится стеной. О стыде, который мешает сделать первый шаг. И о том, что даже самая тонкая нить — если она не оборвана до конца — может когда-нибудь снова связать тех, кто когда-то смотрел в одну сторону.

И, конечно, о Сиянии. О том, можно ли его сохранить, когда всё, что освещало его, осталось в прошлом.

*Добро пожаловать обратно. Королевство изменилось.
Но свет ещё не погас.*

Кейт Гливен

Глава 1. Внезапное повышение

Это было последнее утро, когда Рон проснулся с лёгким сердцем в Волигтене.

Он не знал этого тогда. Он просто открыл глаза, почувствовал, как солнце щекочет веки, и услышал за окном птичий гомон. В комнате пахло нагретым деревом, летом и Финном — тем особенным, уютным запахом, который бывает только у собак. Пёс, нарушив все правила, запрыгнул на кровать и уткнулся носом ему в шею.

Рон засмеялся, не открывая глаз, и прижался к тёплому лохматому боку, чувствуя, как по телу разливается спокойствие. Это был последний раз, когда он чувствовал себя здесь так легко.

Отец уехал на стройку до рассвета — его присутствие всё равно чувствовалось в аккуратно сложенных чертежах на столе, в запахе табака, оставшемся в прихожей. Рон выбежал во двор, на ходу застёгивая рубашку. Солнце уже припекало, трава пахла нагретой землёй, а в руках у матери, возвращавшейся с цветника, алел букет настурций. Она тихонько напевала что-то забытое — почти счастливое. Рон остановился на мгновение, глядя на неё. Она редко пела в Волигтене. Но этим летом — всё чаще.

Это был день, который не обещал ничего, кроме лета. Рон возился с Финном, доделывал рисунок для Элис и думал о

том, что завтра они снова пойдут к дубу.

Часы на кухне пробили четыре. Солнце уже не просто грело — оно начинало клониться к закату, и тени от дома вытянулись вдоль дороги. Рон сидел на крыльце с Финном и дорисовывал ветку дуба, когда слышал шаги. Быстрые. Почти бегущие. Он поднял голову — и увидел отца, который сворачивал к калитке. Это было странно. Отец никогда не возвращался так рано.

Люциус Гарретт влетел во двор, сияя. Он сжимал в руке письмо так, будто боялся, что оно улетит.

— Элинор! Рон! — крикнул он с порога, не успев снять кепку. — Я получил контракт! Дублин, большая строительная компания! Управляющий проектом! Это наш шанс!

В голосе отца звенело что-то новое — не усталость, не вечная сосредоточенность на чертежах, а живое, почти мальчишеское ликование.

Мать замерла с лейкой в руке. Настурции, кажется, перестали нуждаться в воде в этот самый миг.

— Дублин? — переспросила она, и голос её дрогнул. — Люциус, мы только...

— Я знаю, знаю! — перебил он, не услышав её интонации. — Но это же Дублин, Элинор! Столица! Не какой-то захолустный Волигтен! Для Рона там лучшие школы, для тебя — театры, музеи... Я не могу отказаться, это судьба!

Рон прижал к себе Финна. Пёс, уловив напряжение, притих, только изредка вздыхал.

— Рон адаптируется, — отец обернулся к сыну, и в его глазах было что-то новое — не привычная усталая мягкость, а жёсткая решимость. — Это шанс для всех нас, сынок. Ты понимаешь? Для всей семьи.

Рон хотел сказать, что не понимает. Не понимает, как можно вот так, в один день, вырвать его из земли, из корней, которые он только начал пускать. Он хотел сказать, что Волигтен — это не «захолустье». Это его дуб. Его королевство. И Элис — часть его, о которой отцу ничего не известно. Но слова застряли в горле.

— Когда? — спросил Рон хрипло.

— Завтра. Послезавтра, максимум, — отец уже не смотрел на него, он смотрел на мать, ища поддержки. — Надо успеть, до начала учебного года осталась неделя. Устроить тебя в школу, найти жильё...

— Найти жильё? — голос матери стал тихим, почти шёпотом. — Мы уже переезжали, Люциус. Я не хочу снова начинать с нуля.

Отец на мгновение замер. Он не ожидал этих слов.

— Я не знаю, что тебе сказать, Элинор. Но я не могу отказать от этого. Просто не могу.

Он шагнул к ней, взял её руку в свою.

— Я знаю, Элинор. Сложно принять Но мы есть друг у друга. И у нас есть Рон. Это будет не «с нуля». Это будет — вместе.

Мать не ответила. Она смотрела куда-то вдаль, мимо него,

и молчала. Потом, медленно, почти неслышно, её пальцы сжали его ладонь. Коротко. Один раз. И отпустила.

Рон почувствовал, как внутри, в том месте, где жило его королевство, что-то оборвалось. Он отпустил Финна и выбежал во двор и замер у калитки. Финн, увязавшийся следом, сел рядом и посмотрел на него вопросительно: «Ну, идём?»

Рон не ответил. Он просто стоял и смотрел на дорогу, которая вела к дубу. Ему казалось, что если он сейчас пойдёт туда, то всё это окажется сном. Что он вернётся, а отец скажет: «Шучу. Никакого Дублина нет». Но он знал, что это не сон.

Он повернулся и пошёл не к дубу. Сначала — к дому Флэнагана.

Старик сидел на завалинке, чистил нож и, кажется, даже не удивился, увидев Рона. Он поднял глаза, посмотрел на мальчика, на его лицо, на то, как он сжимает в кулаке край рубашки, и кивнул.

— Садись, — сказал он коротко.

Рон сел рядом на чурбак.

— Мы уезжаем, — сказал он, глядя себе под ноги. — Папа получил работу в Дублине. Завтра или послезавтра. Я не знаю точно.

Флэнаган долго молчал. Нож в его руке замер.

— Дублин, значит, — произнёс он наконец. — Город большой. Шумный. Там, говорят, даже воробьи по-другому чирикают.

Рон хотел улыбнуться, но не смог.

— Я не хочу уезжать.

— Знаю, — сказал Флэнаган просто. И положил руку ему на плечо. — Но ты, парень, уже не тот мальчик, который приехал сюда два года назад. Ты теперь умеешь ждать и верить. Это не каждый взрослый умеет. Дублин — это просто ещё одна дорога. А ты всегда можешь вернуться, если захочешь.

Рон поднял глаза.

— Я оставлю тебе Финна, — сказал он. — Если папа не разрешит взять его с собой... ты присмотришь за ним?

Флэнаган посмотрел на пса, который сидел в стороне, делая вид, что его не касаются.

— Дурака не держи, — сказал он тихо, с лёгкой улыбкой. — Твоя собака будет тут ждать столько, сколько нужно. И я присмотрю. Только ты, смотри, вернись за ним. Обещаешь?

Рон кивнул.

— Обещаю.

Он встал, помедлил, а потом достал из кармана деревянный кружок — тот самый, который когда-то дал ему Флэнаган «на память о летней кампании» — и протянул старику.

— Это на память.

Флэнаган взял кружок, повертел в руках, хмыкнул и сунул в карман.

— Ну, бывай, Хранитель, — сказал он. — Не пропадай.

Рон пошёл к дубу.

Поляна встретила его тишиной. Дуб стоял на своём ме-

сте, огромный и вечный, как и всегда. Рон прижался лбом к шершавой коре и закрыл глаза. Финн, увязавшийся следом, улёгся у его ног, положив морду на лапы. Где-то в кроне суе-тилась пеночка, и её тонкий, переливчатый голос звучал почти как насмешка над его горем.

— Как это можно объяснить? — прошептал Рон, обращаясь к дереву. — Как сказать Элис, что я уезжаю? Как сказать Финну, что я, может быть, не вернусь?

Дуб молчал. Он никогда не давал ответов. Но он слушал.

Рон просидел так до сумерек. Когда небо начало бледнеть, он достал из кармана маленький, почти законченный рисунок, который готовил для Элис — ветку дуба, уходящую в небо, и крошечную башенку мельницы на горизонте. Он перевернул лист и написал на обороте, стараясь, чтобы буквы не дрожали:

«Летописец.

Я уезжаю. Отец получил работу в Дублине. Мы уезжаем завтра или послезавтра. Я не знаю, когда вернусь. И вернусь ли.

Ты — лучшее, что случилось со мной в этом мире. Я оставляю тебе карту — ту самую, с которой всё началось. И ключ. Если захочешь — ты знаешь, как меня найти.

Спасибо, что смотрела со мной в одну сторону.

Рон.»

Он свернул лист, положил его в дупло, а рядом — гладкий, отполированный водой камень, их первый «ключ-про-

пуск в лето».

— Финн, — сказал он, опускаясь на колени перед псом. — Ты остаёшься здесь, с Флэнаганом. Если папа не разрешит взять тебя с собой... ты будешь здесь ждать. Я вернусь, слышишь? Я вернусь.

Финн лизнул его в щёку. Рон зажмурился, чувствуя, как жжёт под веками.

Он постоял ещё немного, глядя на мельницу вдалеке, на верхнее окно, где иногда зажигался свет. Потом повернулся и пошёл обратно.

Дом встретил его тишиной. Мать сидела на кухне, глядя в стену пустым взглядом. Отец ходил по комнате взад-вперёд, бормоча что-то о «необходимости жертв» и о «лучшем будущем».

Рон прошёл мимо них в свою комнату. Он не стал ничего упаковывать. Вместо этого он открыл «Казначейский свиток» и, перелистнув страницы, остановился на чистом листе. Долго сидел, глядя на пустоту. Потом взял перо и написал:

«Актив: дом, который я построил в Волигтене.

Адрес: дуб, река, мельница, школа, мастерская, Финн, Элис.

Состояние: под угрозой выселения.

Оценочная стоимость: бесценна.

Возможность сохранения: неизвестна.»

Он захлопнул книгу и лёг на кровать.

Утром, когда в доме ещё не зажгли свет, Рон тихо спу-

стился вниз. Отец уже ждал его в прихожей с чемоданом в руке. Мать стояла у двери, бледная, но спокойная.

— Всё готово, — сказал отец. — Надо ехать.

Рон кивнул. Он не стал прощаться с домом. Он просто вышел во двор и остановился у калитки.

Финн ждал его там. Как всегда.

Рон присел рядом с ним, обхватил его за шею и прошептал в лохматую шерсть:

— Я вернусь. Обещаю.

Финн не вильнул хвостом — он просто ткнулся носом ему в ладонь.

Рон встал, не оглядываясь, и пошёл к повозке. Всё было слишком быстро — сборы, суета и стук колёс по камням. Он даже не успел проститься с Уолтером, Кэллаганом, друзьями Деревня проносилась мимо, как сон, который уже не вернуть.

Повозка выехала на мост. Рон узнал его не по виду, а по тому, как колёса зазвучали иначе — выше, звонче, будто кто-то отбивал по железу дробь. Он поднял голову.

Это был тот самый мост. Тот, на который он мечтал прийти с отцом, чтобы закончить лодку. Тот, который они спасли — с теми, кто стал ему семьёй.

Рон прижал ладонь к холодному стеклу и смотрел, как вода внизу мелькает между стальных балок. Он хотел запомнить этот миг — так, чтобы он остался с ним навсегда.

А потом мост кончился. И вместе с ним — Волигтен.

Когда они выехали на дорогу, ведущую из Волигтена, Рон позволил себе один последний взгляд. Он увидел дуб, уходящий в небо — как огромный, развёрнутый, раскрытый венок. Потом он отвернулся, слёзы падали на колени, и он не пытался их остановить. Рядом уже не было Финна, который лизнул бы его в щёку. Он просто плакал — тихо, без звука.

В эту самую минуту, в окне старой мельницы, зажглась маленькая свеча. Элис держала её в руке и смотрела на дорогу, пока повозка не скрылась за поворотом. Свет бился о стекло, но Рон уже не мог его увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.